

ЛИЦЕНЗИЯ

ТВОЯ ЛИЦЕНЗИЯ
ТВОЯ ЖИЗНЬ

АВТОР:
ЛЮБИШКИН ДМИТРИЙ

СКОЛЬКО ЖИЗНЕЙ
ВЫ ОСТАВЛЯЕТЕ ЗА СОБОЙ?

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 ∞

Дмитрий Любишкин

Лицензия

<https://litres.ru/74217959>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где государство узаконило право на убийство, каждый человек в двадцать лет получает лицензию — браслет с числом жизней, которые он может отнять безнаказанно. Цифры на запястьях становятся новой социальной иерархией, мерой страха, доверия и близости. Ноль означает моральную чистоту — и абсолютную незащищенность.

Даня и Лера выросли в этом сером, бесконечно дождливом городе, держась друг за друга как за единственный источник света. В детстве они клянутся выбрать ноль, чтобы между ними никогда не встали цифры. Но когда Лера первой получает браслет с единицей, их мир начинает трескаться. Даня ещё не знает, что за сухой процедурой лицензии скрывается тайное условие — необходимость назвать имя первого человека, чья жизнь будет закреплена за этой цифрой.

Выбирая ноль, Даня пытается сохранить любовь чистой. Но Лера, вписавшая в систему его имя, оказывается в ловушке: любовь делает его самым уязвимым.

Содержание

Начало	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дмитрий Любишкин

Лицензия

Начало

В нашем городе небо никогда не бывает синим. Оно висит над крышами свинцовым брезентом, который кто-то когда-то набросил на мир и забыл снять. Дождь здесь не начинается и не заканчивается — он просто есть, как сила тяжести, как страх, как закон. Водяная взвесь не барабанит по козырькам, а оседает на коже, волосах, ресницах, пока не становится частью тебя.

Люди давно перестали поднимать воротники. Нет смысла прятаться от того, что проникает сквозь ткань, сквозь кожу, сквозь кости.

Я родился здесь больше двадцати лет назад. И ни разу не видел тени — той настоящей, чёткой, что ложится, когда солнце стоит высоко. У нас нет деления на свет и тьму. Только серый полусвет, от которого устают глаза и что-то глубже глаз.

Фасады цвета мокрого бетона. Асфальт — грифельный. Лица прохожих — землистые, будто все болеют одной долгой болезнью без названия.

Подъезды пахнут сыростью и утилизационным составом.

Едкая химия с приторной нотой — ею государственные бригады обрабатывают места, где чья-то жизнь оборвалась. Состав разъедает кровь быстрее, чем память, но запах остаётся. Въедается в штукатурку, бетон, лёгкие. Со временем перестаёшь замечать. Со временем привыкаешь ко многому.

Тишина на лестничных клетках — отдельная субстанция. Не покой. Скорее — натянутая леска перед обрывом. Тишина людей, разучившихся здороваться громко, задерживать взгляд, спрашивать о здоровье. Каждый скрип ступени звучит угрозой. Каждые чужие шаги заставляют считать этажи: ко мне или мимо?

Когда я был маленьким, думал, что так устроен весь мир. Ошибался.

Так устроен только наш.

Мир Лицензии.

Мне было семь, когда я впервые понял, как это работает.

Мы с мамой стояли в очереди в магазине под вывеской «Рассвет» — одно из тех названий, что звучат здесь как издёвка. Передо мной стоял мужчина в рабочей куртке. От него тянуло машинным маслом и махоркой — запахами, которые тогда казались мне запахами взрослой жизни, чего-то надёжного и понятного.

Он полез в карман за деньгами. Рукав задрался.

Я увидел браслет.

Цифра два светилась голубоватым — тускло, буднично,

как индикатор батареи на старом приборе.

Женщина за ним — полная, с добрым усталым лицом — тоже увидела. Не вскрикнула. Даже не вздохнула. Просто отступила на полшага и развернулась к витрине, будто её вдруг заинтересовали мешки с крупой.

Мужчина заметил. Одёрнул рукав. Расплатился молча. Ушёл, не поднимая глаз.

Всё заняло секунд двадцать. Ни слова. Ни взгляда в лицо. Только двое в очереди за молоком — и пропасть между ними шириной в две цифры.

Я дёрнул маму за рукав:

— Мам, а что у дяди на руке?

Она присела на корточки, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. Я почувствовал запах её дешёвого крема для рук — единственное, что пахло не сыростью, не дождём, не этим городом. Пахло мамой.

— Тише, Даня. Об этом не говорят в очереди.

— Но что это?

— Его дело. Только его. Понял?

Я кивнул.

Той ночью, лёжа в кровати, я слышал, как мама разговаривает по телефону на кухне. Дверь была закрыта, но стены в наших домах тонкие — они держат тепло так же плохо, как секреты.

— Два. Понимаешь? Два. И покупает молоко, как ни в чём не бывало. Откуда мне знать, использовал ли? Я же не

спрошу. Нет, магазин менять не буду. Куда я денусь? Они везде. Везде.

Последнее слово она повторила дважды, будто пыталась убедить саму себя.

Тогда я не понял.

Понял позже.

Процедура устроена просто. От этой простоты по-настоящему страшно.

В день, когда тебе исполняется двадцать, в дверь звонят. На пороге — двое в форменных плащах. Серых, разумеется. С планшетами и металлическим футляром. Лица пустые, вымученные. Люди, делающие одно и то же так долго, что перестали вкладывать смысл.

Один произносит твоё полное имя. Другой открывает планшет. Потом звучит вопрос — всегда одинаковый, без интонации, без намёка на то, что речь о человеческих жизнях:

— Сколько жизней вы оставляете за собой?

Ты называешь число.

Ноль — и тебя считают святым или самоубийцей. Один, два, три — разумный минимум. Пять и выше — к тебе приглядываются. Десять — шарахаются в транспорте. Безлимит — и рано или поздно государство открывает охоту. До этого мало кто доживает.

После ответа на запястье защёлкивают браслет. Тонкий

обруч из медицинского сплава. Его нельзя снять, сломать, спилить. На нём горит число — или знак бесконечности — холодным голубоватым свечением. Под тонкой или промокшей тканью его можно различить, но чаще люди всё равно смотрят на открытое запястье. Каждый раз, когда ты убиваешь по закону, число уменьшается. Дойдёт до нуля — экран темнеет.

Убийство без Лицензии карается мгновенно. Ликвидация на месте. Без суда, без протокола, без имени в сводках.

Убийство в рамках Лицензии — конституционное право. Встроено в систему страхования, найма, знакомств. На автобусных остановках между прогнозом погоды вспыхивает реклама: «Безопасные отношения начинаются с прозрачности. Совместимость браслетов — основа доверия». В аптеках, за мутным стеклом, рядом с сильными обезболивающими лежат сертифицированные инъекторы для реализации права. Их продают по браслету — спокойно и законно.

Но ужас не в законе.

Ужас в том, как быстро люди привыкли.

Женщина в трамвае прижимает к себе дочку, увидев шестёрку у стоящего рядом мужчины. Кассирша кладёт сдачу на стойку, а не в ладонь, если у покупателя слишком высокое число. Матери проверяют запястья у друзей своих детей — обнимают на пороге и скользят взглядом вниз: «Может, в другой раз, милый?» Другой раз не наступает.

В каждой квартире есть пустые места. Стулья, на которые никто не садится, но которые никто не выносит. Имена, которые перестали произносить — не из забвения. Из невозможности объяснить отсутствие.

Лица вокруг несут одну печать. Не ужас — усталость от ужаса. Измождённость, вросшая в черты, ставшая частью мимики. Люди здесь разучились не бояться.

У нас дома такой стул стоял в углу кухни.

Отец исчез, когда мне было одиннадцать. Не умер в обычном смысле — просто не вернулся. Утром куртка ещё висела на крючке. К вечеру следующего дня крючок опустел.

Мама не объясняла. Не плакала при мне. Просто передвинула его стул от стола к стене и больше не ставила туда тарелку.

Но однажды ночью я проснулся от странного звука — тихого, сдавленного, будто кто-то пытается дышать сквозь мокрую ткань. Вышел в коридор. Приоткрыл дверь на кухню.

Мама сидела на том самом стуле — отцовском — и прижимала к лицу его рубашку. Ту, в которой он вышел из дома в последний раз. Она хранила её где-то. И сейчас вдыхала запах ткани, это был запах человека, которого больше нет.

Я не вошёл. Тихо прикрыл дверь. Вернулся в кровать.

Утром мама была как обычно. Рубашки нигде не было.

Несколько месяцев спустя я открыл ящик отцовской тумбочки. Она стояла нетронутой — мама не вынесла ничего.

Внутри, среди мелочи — квитанций, монет, огрызка карандаша — лежал браслет.

Снятый.

Нам говорили — навсегда. Но он лежал в ящике. Я до сих пор не знаю как. Защёлка выглядела целой. Не сломанной, не спиленной. Может, есть способ. Может, за это и платят исчезновением.

Экран был мёртвым. Никакого свечения. Я взял браслет — металл тяжелее, чем выглядел. Холодный, будто пролежал на морозе. Повернул к свету.

На внутренней стороне, там, где сплав прилегает к коже, была выгравирована надпись.

Мелкая, почти нечитаемая.

Мамино имя.

Я положил браслет обратно. Закрыв ящик. Больше туда не заглядывал.

С того дня я знал: есть вещи страшнее смерти. Например — жить, зная, что у тебя есть право убить того, кого любишь. И рано или поздно делать выбор: использовать или исчезнуть.

Отец выбрал исчезнуть.

Леру я встретил в единственный вечер, когда город стал другим.

Мне было девять. Авария на подстанции обесточила район. Ни фонарей, ни окон, ни рекламных экранов. Только гу-

стая бархатная темнота и морось, шуршащая по козырькам, как чья-то тихая речь.

Я стоял под навесом подъезда и смотрел вверх, надеясь увидеть звёзды. И рядом кто-то негромко сказал:

— Если не включат до ночи, небо откроется. Мама говорила, раньше люди видели их каждый вечер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.